

Вадим Сергеевич Алексеев-Попов ЛЕВ ТОЛСТОЙ и ЖАН-ЖАК РУССО

к постановке проблемы
Французский ежегодник 1982

М.: Наука. 1984. С. 88-100

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме добавлены в конце статьи

Более 150 лет отделяют нас от дня рождения Льва Николаевича Толстого, одного из величайших писателей мира, чье титаническое творчество означало, по определению В. И. Ленина, «шаг вперед в художественном развитии всего человечества»¹. Свыше 200 лет прошло со дня смерти Жан-Жака Руссо — великого французского философа демократа, политического мыслителя, внесшего огромный вклад в дело идеологиче-

* Автор публикуемой статьи, видный советский историк, выдающийся знаток французской общественной мысли XVIII в., Вадим Сергеевич Алексеев-Попов скончался в Одессе 3 марта 1982 г.

В. С. Алексеев-Попов окончил исторический факультет Ленинградского университета, работая под руководством А. И. Молока, успешно защитил кандидатскую диссертацию «Рабочий класс и социал-демократия Германии в дни франко-прусской войны и Парижской Коммуны 1870—1871 гг.».

В годы войны Вадим Сергеевич принял участие в обороне Ленинграда, был переводчиком в штабе войск Ленинградского фронта.

По окончании войны он переехал в Одессу, где преподавал сначала в Художественном училище и Институте иностранных языков, а с 1948 до 1978 г., в течение 30 лет, работал доцентом Одесского университета, где вел как общие, так и специальные курсы.

В. С. Алексееву-Попову принадлежит более 50 научных трудов. Больше всего он интересовался французской общественной мыслью второй половины XVIII в. Его крупнейшим вкладом является разработка истории «Социального кружка». К. Маркс еще в 40-х годах XIX в. обратил внимание на эту организацию, однако история ее совершенно не изучалась. Вадим Сергеевич стал в полном смысле слова пионером в исследовании этой темы не только в советской, но и в зарубежной науке (см.: *Алексеев-Попов В. С. История основания «Социального кружка»*. — Тр. Одес. ун-та. Сер. ист. наук, 1954, т. 144, вып. 4; *Он же. «Социальный кружок»* и его политические и социальные требования (1790—1791 гг.). — В кн.: *Из истории социально-политических идей: Сб. статей к семидесятипятилетию академика В. П. Волгина*. М., 1955; *Он же. «Социальный кружок» и демократическое республиканское движение 1791 г.* — В кн.: *Из истории общественных движений и международных отношений: Сб. статей в память академика Е. В. Тарле*. М., 1957). Работы В. С. Алексеева-Попова по истории «Социального кружка» привлекли к себе всеобщий интерес, в частности со стороны В. П. Волгина, который всегда относился к Вадиму Сергеевичу с большой теплотой, цена его непрерывный исследовательский поиск. Получили они и международное признание.

Живейший интерес вызывали у Вадима Сергеевича история якобинской диктатуры, ее идеология и организация. По его инициативе в 1958 г. в Одессе состоялась конференция по проблемам якобинской диктатуры, прошедшая успешно. В изданных трудах конференции опубликована его большая ценная статья «Проблемы истории якобинской диктатуры в трудах В. И. Ленина».

Постоянное и пристальное внимание уделял Вадим Сергеевич изучению Руссо, в котором он видел ярчайшего представителя одного из течений в эгалитаризме — радикального эгалитаризма. По совету В. П. Волгина он организовал издание «Трактатов» Руссо, появившихся в 1969 г. в серии «Литературные памятники» под общей редакцией А. З. Манфреда. Вадим Сергеевич был одним из переводчиков, комментатором и автором обширной статьи «О социальных и политических сочинениях Ж.-Ж. Руссо». Руссо был посвящен и ряд других его работ. По инициативе В. С. Алексеева-Попова в 1962 г. в Одессе была проведена республиканская конференция, посвященная юбилею Руссо.

Вадим Сергеевич был историком ищущим, современным в лучшем смысле этого слова. Об этом свидетельствует его статья «О применении понятия „многослойной системы“ в изучении идей французского Просвещения» в сборнике «Системный метод и современная наука» (Новосибирск, 1971).

Статья «Лев Толстой и Руссо» была написана к юбилею Руссо в 1978 г. Вадим Сергеевич рассчитывал ее дополнить и расширить, в частности изучить в Яснополянской библиотеке пометки Толстого на книгах Руссо. Тяжелая болезнь помешала осуществлению этого замысла. Читатель должен учесть это обстоятельство. Редакция «Французского ежегодника», публикуя эту пусть еще не вполне завершенную статью, отдает дань памяти талантливого, неутомимого и упорного исследователя, честного искателя исторической истины.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 19.

ской подготовки Великой французской революции и совершившего в то же время ряд важных открытий в методах художественного анализа и изображения человеческой личности.

Не случайно имена этих великанов духа в сознании многих поколений читателей давно уже стоят рядом «Чем Руссо был для XVIII века, тем Толстой был для нашего», — так в 1907 г. немецкий ученый И. Бенруби закончил свою статью на тему «Толстой — продолжатель Руссо»².

В самом деле, при сопоставлении этих великих имен тотчас возникает мысль о духовной близости автора «Исповеди» и «Эмиля» Л. Н. Толстому, о влиянии Руссо на Толстого. Да и сам Лев Николаевич неоднократно отмечал значение для него произведений Руссо и называл его своим учителем (*maître*), о чем мы скажем подробнее ниже. Черты руссоизма столь отчетливо прослеживаются в «сквозных темах» Толстого-писателя, что кажется — тут все лежит на поверхности. Но по существу ни в России, ни во Франции никто не брался по-настоящему за разрешение проблемы «Толстой и Руссо». Вероятно, поэтому весьма невелика по объему ее историография.

Отнюдь не черты прямого тождества сближают фигуры Руссо и Толстого. Это и не просто нить преемственности, ведущая от первого ко второму. Скорее до некоторой степени аналогична, сходна роль, которую каждый из них сыграл в истории общественной мысли, в анналах культуры своей эпохи.

Таким образом, речь идет о более глубоком проникновении в одну из наиболее характерных черт, в одну из важнейших особенностей самого механизма действия гения в различные эпохи истории мировой культуры. Действие это протекает сначала в сравнительно ограниченных хронологических пределах жизни гениального человека, чье бытие выступает тогда в качестве одного из выдающихся по значению факторов его времени. Но после этого начинается следующая, по-своему не менее, если не более, значительная сфера действия гения на умы отдаленных его потомков³.

Тут возникает цикл вопросов: каков тот образ Руссо, который преимущественно воспринимался Толстым на разных этапах становления его писательской личности, при различных поворотах позиции Толстого — бесстрашного критика современного ему общества. Иначе говоря, задача состоит в изучении восприятия Толстым различных сторон столь многогранного и в то же время внутренне единого, противоречивого, многоликого явления, имя которому «Жан-Жак Руссо» и «руссоизм».

Автор данной статьи как историк принадлежит к числу тех, кого интересует второй участник данной конstellации: Руссо — главный философ демократии XVIII в. Но этой конstellации присуща и обратная связь. Изучение восприятия Толстым творчества Руссо оказывается не только одной из задач исследования и самого Толстого, но и открывает путь исследования «второй жизни» Руссо как мыслителя, писателя и художника. Так, к примеру, мы можем теперь лучше оценить значение «Исповеди» Руссо, поскольку она явилась школой психологического реализма для русских писателей конца 30—50-х годов XIX в. Влияние «Исповеди» стало одним из могучих факторов в формировании писательской личности Толстого.

В истории общественного сознания России и прогрессивной литературы 40—50-х годов XIX в. еще в большей степени, чем ранее одно из центральных мест заняли проблемы психологического анализа. Показательны в этом отношении духовная жизнь московского кружка А. В. Стан-

² Толстовский ежегодник, 1912. М., 1912, с. 198.

³ Эта та «вторая жизнь» замечательного человека, классический пример изучения которой был дан выдающимся исследователем истории английской культуры Ф. Ф. Зелинским в его известной книге о Цицероне: *Зелинский Ф. Ф. Цицерон в истории европейской культуры: Речь Ф. Зелинского, произнесенная в историческом обществе при С.-Петербургском университете в январе 1895 г.* СПб., 1901.

кевича, литературный дебют А. И. Герцена, писавшего в 1846 г., что в нравственный мир «надо ввести употребление микроскопа»⁴.

Вполне при этом обоснован вывод о том, что в русской литературе «анализ внутренней жизни личности сделался важнейшим способом критического освещения действительности»⁵.

Именно плодотворное развитие этого анализа в практике нашей художественной литературы заложило основы для создания эстетической теории художественного психологизма, разработанной В. Г. Белинским и Н. Г. Чернышевским, причем выдающуюся роль в развитии этой теории сыграло изучение творчества Льва Толстого. Ведь даже само понятие и термин «психологический анализ» были введены Н. Г. Чернышевским в его рецензии на трилогию Л. Толстого «Детство», «Отрочество» и «Юность» и на «Военные рассказы», вышедшие отдельным изданием в 1856 г. Чернышевский среди других компонентов художественного произведения особо важное значение придавал именно психологическому анализу, потому что, по его словам, этот элемент представляет собой «едва ли не самое существенное из качеств, дающих силу творческому таланту»⁶.

Дифференцируя это понятие, Чернышевский выделил такие формы психологического анализа: «очертание характеров», «влияние общественных отношений и житейских столкновений на характеры...», «анализ страстей», «сам психический процесс, его формы, его законы», «диалектика души»⁷.

Показательно, что первым художественным произведением А. И. Герцена, появившимся в печати⁸, была повесть «Записки одного молодого человека»⁹. Она была опубликована не полностью, рукопись целиком до нас не дошла. Некоторые исследователи полагают, что к этой повести относится отрывок, публикуемый под названием, составляющим его первую строку, совпадающую с началом письма А. И. Герцена к Т. П. Пассек¹⁰. Приведем это начало: «Чтоб выразуметь эту исповедь страдальца, эту энергическую душу, вырабатывающуюся через мастерские часовщиков, передние, похоти, падения до высокого нравственного состояния, до всепоглощающей любви к человечеству». Речь явно идет об «Исповеди» Руссо, затем герой читает своей подруге другие произведения французского философа: «...в 29 году в Васильевском я взял „Contrat social“; им Руссо падолюг покорил меня своему авторитету; нигде я не встречал с такою увлекательною силою изложенными либеральные идеи».

Вероятно, не только для Толстого, но и для юного Герцена было характерным то, что восхищение произведениями Руссо переплеталось с горячим увлечением его личностью, с возникновением подлинного ее культа. «Я стал боготворить Жака-Жака, — признается герой повести, т. е. сам Герцен, — тогда и жизнь его, особенно поэтическое бегство от людей в Эрменонвиль, привязали меня еще больше лично к нему». И вот как это объясняется: «Руссо в самом деле выражает все теплое начало французской философии XVIII века и все энергическое». А далее герой повести поясняет свою мысль так, что делается ясным, почему этот отрывок стал неприемлемым для цензуры. Дело в том, что рядом с Руссо герой ставит только Дидро, в котором, однако, нет «чистоты неподкупного Робеспьера, безумного Сен-Жюста»¹¹.

Глубокое восхищение Руссо, его творениями и его личностью, испытываемое юным Герценом и позже Львом Толстым, свидетельствует о

⁴ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954—1965, т. 2, с. 77.

⁵ Карлова Т. С. Мастерство психологического анализа в ранних произведениях Л. Н. Толстого. Казань, 1964, с. 5.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16-ти т. М., 1939—1953, т. 3, с. 425.

⁷ Там же, с. 424.

⁸ Отечественные зап., 1840, № 12; 1841, № 8.

⁹ Герцен А. И. Собр. соч., т. 2, с. 257—317.

¹⁰ Пассек Т. С. Из дальних лет: Воспоминания. М., 1963, т. 1, с. 261.

¹¹ Герцен А. И. Собр. соч., т. 1, с. 329.

том, что мыслящая Россия искала у передовых философов и писателей Запада не только отражения и обобщения более передового опыта исторического развития, но и возможности обогатиться новыми, диалектически методами осмысления этого опыта, призванными сменить уже дискредитировавшее себя последнее просветительского метафизического рационализма.

Вероятно, не будет преувеличением считать, что значительным источником и образцом, примером опыта диалектики в познании и изображении человеческой личности средствами литературы явились творения Руссо. Напомним, что Руссо шел к открытиям в сфере «диалектики души», сделанным им в «Исповеди» в конце своего писательского пути, через гениальные наблюдения над диалектикой истории, процесса социального и политического развития человеческого общества.

Именно это давало основания Ф. Энгельсу считать: «...у Руссо имеется не только рассуждение, как две капли воды схожее с рассуждением Маркса в „Капитале“, но мы видим у Руссо и в подробностях целый ряд тех же самых диалектических оборотов, которыми пользуется Маркс... он уже за 16 лет до рождения Гегеля был глубоко... заражен диалектикой противоречия»¹². Наконец, Ф. Энгельс, как мы знаем, выделил из среды французских философов-метафизиков XVIII в. именно Дидро и Руссо за то, что они «смогли оставить нам высокие образцы диалектики»¹³. Первый сделал это в своем «Племяннике Рамо», второй — в «Рассуждении о происхождении неравенства между людьми». В данном контексте Энгельс не называет «Исповедь» Руссо, о которой у нас идет речь, но несомненно, что именно в этой книге Руссо обобщил весь свой опыт человека, мыслителя и писателя.

Во многом помогает нам понять значение «Исповеди» Руссо тонкий и глубокий анализ ее в книге Лидии Гинзбург «О психологической прозе». Она считает, что «сентиментализм и романтизм вдохновлялись „Эмилем“ и „Новой Элоизой“, а для психологизма XIX в. гораздо более важной и плодотворной оказалась „Исповедь“»¹⁴. Главную заслугу Руссо Л. Гинзбург видит в создании образа нового человека, интеллектуала, вышедшего из плебеев. Поставив себе задачу предельно правдиво показать свою личность, свое «я» во всей его неповторимой индивидуальности, Руссо совершил выдающееся деяние в искусстве самопознания человека.

Показывая, что Руссо открыл «непрерывное действие душевного механизма в его развитии и в его объясненных противоречиях»¹⁵, Л. Гинзбург воздерживается от того, чтобы квалифицировать теоретически этот своего рода подвиг (например, после «Опытов» Монтеня) как огромный шаг в открытии диалектики человеческой души. «Эту диалектику душевной жизни Руссо, конечно, не мог обосновать научно и свести в единую систему, — пишет она, — но в области психологии, осуществленной средствами литературы, открытие Руссо поистине грандиозно». Не говоря уже о сентиментализме и романтизме, даже реалистический роман не сразу мог дотянуться до задач, предлагаемых «Исповедью». В сущности, только Толстой «был тем гением, который взял на себя решение этих задач и двинулся дальше, в глубь человеческого сознания»¹⁶.

Именно так — вплотную ставит эти имена и Леопид Леонов в своем глубоко прочувствованном «Слове о Толстом», говоря, что тот смог «показать людское сердце в самых неожиданных сечениях его и, конечно, после Руссо никто еще не распахивал его читателю до такой степени настежь». «В пятнадцать лет мальчик Толстой называет себя учеником Руссо, и эта робкая вначале искра самоанализа в полную силу разгорится в зрелые годы...»¹⁷

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 144.

¹³ Там же, с. 20.

¹⁴ Гинзбург Л. О психологической прозе. Л., 1977, с. 192.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 201.

¹⁷ Леонов Л. Слово о Толстом. М., 1961, с. 7, 18.

О том, насколько важно для исследования наиболее существенных сторон и проблем творчества Толстого — писателя и публициста — и его деятельности, понимаемой в самом широком значении этого слова, наиболее полное изучение влияния Руссо, можно судить прежде всего на основании многочисленных высказываний самого писателя в устных беседах, на страницах дневников и писем.

Толстой охарактеризовал влияние Руссо как не имевшее в его жизни равных по силе и действительности, датировав начало знакомства с сочинениями последнего годами своей юности и выделив особо впечатление, произведенное «Исповедью» и «Эмилем». В письмах и беседах он неоднократно вспоминал, что увлекался не только Руссо-писателем, но и человеком. В первой печатной редакции романа «Война и мир» Пьер Безухов говорит, что чем больше он узнает автора «Общественного договора», тем больше любит в нем человека. Это отчасти подтверждает, на наш взгляд, что этот персонаж в известной мере является alter ego автора «Войны и мира». «Изучение самого себя, самопознание — характерный основополагающий аспект мышления Толстого», — к такому выводу приходит Е. Н. Купреянова, автор глубокого исследования эстетики писателя¹⁸. Самонаблюдение, шире — самопознание и затем самовоспитание начались у Толстого необычайно рано с юных лет; он с беспрецедентным постоянством и с редкой полнотой запечатлевал эту работу в дневниках и переписке. Эти богатейшие источники ведут нас по следам мысли Толстого, и мы видим, как он вновь и вновь обращается к страницам столь любимых им книг Жан-Жака.

Толстой в ряде текстов и бесед говорил об огромной роли для него Руссо. Они отчасти повторяют, отчасти дополняют друг друга. Мы рассмотрим высказывания Толстого в хронологическом порядке.

«Я очень рано стал много читать философских книг. Руссо первый увлек меня, я перечитывал его несколько раз и он имел на меня большое влияние», — таково одно из первых признаний писателя¹⁹. Отражением этого увлечения философскими произведениями Руссо могут служить страницы «Юности»: «В это же лето я прочел „Principes philosophiques“ Вейса и несколько вещей Руссо и делал на них свои письменные замечания... Никогда не забуду сильного и радостного впечатления и того презрения к людской лжи и любви к правде, которые произвели на меня признания Руссо...» (Варианты из второй редакции «Юности»). Весной 1847 г. Лев Николаевич был занят писанием «философских замечаний на речи Ж.-Ж. Руссо» и других авторов²⁰.

В 1901 г. в беседе с П. Буайе, преподавателем русского языка в Сорбонне, Толстой говорил: «Я прочел всего Руссо, все двадцать томов, включая „Словарь музыки“. Я более чем восхищался им, я боготворил его. В 15 лет я носил на шее медальон с его портретом вместо натального креста»²¹. «Многие страницы его так близки мне, что мне кажется, я их написал сам»²².

Очень важно свидетельство, сообщенное Толстым в письме к М. М. Ледерле и содержащее поистине драгоценный список книг, производивших на него впечатление в возрасте от 14 до 20 лет, т. е. в 1842—1848 гг. Здесь вслед за «Нагорной проповедью» (Евангелие) и «Сентиментальным путешествием» Л. Стерна названы «Исповедь» и «Эмиль» Руссо («огромное» впечатление), его роман «Новая Элоиза», воздействие которого характеризуется как «очень большое»²³.

Всю меру глубочайшей внутренней раздвоенности, противоречивости внутреннего мира Толстого показывает торжественно звучащее призна-

¹⁸ Купреянова Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого. М.: Л., 1966, с. 80.

¹⁹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 30-та т. М., 1928—1958, т. 46, с. 317.

²⁰ Там же, т. 2, с. 345.

²¹ См. фотографию миниатюры из собраний Государственного Эрмитажа, опубликованную нами в кн.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 176.

²² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 46, с. 317.

²³ Там же, т. 66, с. 67.

ние великого русского писателя в том, что влияние Руссо одно из самых сильных и плодотворных в его долгой жизни и что оно сочетается с таким же влиянием Евангелия.

Особенную ответственность Толстой проявил в оценке влияния на него Руссо в письме от 7 марта 1906 г. Бернару Бувье, председателю основанного в Женеве Общества по изучению жизни и творчества Руссо, в котором он сообщал, что с радостью принимает предложение о вступлении в число членов этой организации. Главное здесь в следующем признании: «Руссо был моим учителем с 15 лет». И далее: «Руссо не стареет. Совсем недавно мне пришлось перечесть некоторые из его произведений, и я испытывал то же чувство душевного подъема и восхищения, которые я переживал, читая их в своей ранней молодости»²⁴.

В июне 1905 г. Толстой записывает в дневнике: «Меня сравнивают с Руссо. Я многим обязан Руссо и люблю его, но есть большая разница. Разница та, что Руссо отрицает всякую цивилизацию, я же отрицаю лжехристианскую. То, что называют цивилизацией, есть рост человечества. Рост необходим, нельзя про него говорить, хорошо ли это или дурно. Это есть — и в нем жизнь. Как рост дерева. Но сук или силы жизни, растущие в суку, неправы, вредны, если они поглощают всю силу роста. Это с нашей лжецивилизацией»²⁵. Конечно, этим далеко не исчерпываются глубочайшие различия между этими неповторимыми индивидуальностями, и дело будущих исследователей вскрыть их во всей полноте.

Совершенно естественно, что Толстой как человек и писатель, столь преданный самоанализу, не мог не искать объяснения того, почему творчество Руссо имело для него такое значение. Вот один из опытов такого рода, содержащийся в письме к Октаву Мирбо (1903 г.). «Я думаю, что каждый народ, — пишет он, — выражает в искусстве некий общий идеал, прибегая для этого к различным средствам и приемам, и по этой причине мы испытываем особое наслаждение, узнавая наш идеал, выраженный новым неожиданным образом». Именно ощущение такого рода открытия и дала Толстому, по его словам, французская литература, «когда он читал впервые произведения Альфреда де Виньи, Стендаля, Виктора Гюго и особенно Руссо»²⁶.

Таковы некоторые из оценок Толстого той особой, первенствующей роли, которую играл для него Руссо — писатель и мыслитель на протяжении всей его долгой жизни.

Богатейший источник в виде дневников и писем Толстого дает нам радостную возможность руководствоваться оценками самого Толстого. Но они должны быть дополнены и убедительными доказательствами на основе изучения самих его произведений.

Знакомство с литературой рассматриваемой проблемы не может, к сожалению, не разочаровывать. И объясняется это не сравнительно скромным ее объемом — всего нами могли быть приняты во внимание шесть статей и докладов, специально посвященных этой проблеме, одна монография М. Марковича и небольшая глава «Руссо в XIX в.» в книге В. Л. Львова-Рогачевского о Толстом (1928 г.). Интересующий нас вопрос не мог не затрагиваться в общей литературе о Толстом. Небольшой объем специальной литературы мог бы с лихвой окупиться интенсивностью разработки сюжета, преемственностью в усилиях исследователей, разнообразием их поисков и, наконец, плодотворностью полученных результатов. Этого нельзя, однако, сказать о работах, коими представлена данная тема в буржуазной историографии. Беда этих авторов объясняется несостоятельностью их методологии, пороками самого их мышления, чуждого подлинного *историзма*. В одних случаях это объясняется преимущественно господством идеалистических концепций в вопросе об отношениях между писателем и обществом, как, например, в упоминавшейся ранее

²⁴ Annales de la société J.-J. Rousseau, 1905, t. 1, p. 7.

²⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 55, с. 145.

²⁶ Там же, т. 74, с. 195.

статье И. Бенруби. В буржуазном литературоведении изучение отношения между сопоставляемыми явлениями в истории различных национальных культур сравнительно давно уже стало заповедной областью так называемого сравнительного литературоведения, получившего наименование компаративизма.

Именно из этой компаративистской школы и вышел Милан Маркович, автор опубликованной в 1928 г. единственной известной нам весьма пространной монографии (более 30 печатных листов) на тему «Руссо и Толстой»²⁷.

В подробной, хотя и выборочной библиографии, Маркович указал работы о Руссо и Толстом, но, что касается проблемы соотношения роли каждого из них в культуре своего времени, он смог указать только названную нами ранее статью И. Бенруби и доклад М. Н. Розанова, относящиеся к 1928 г.

В построении самой книги М. Маркович предпочел тематический принцип хронологическому, найдя последний «чересчур сложным»²⁸, и это подчеркивает отсутствие историзма, поскольку внутри тематических частей и глав анализируются мысли Толстого в различные периоды его жизни. Впрочем, автор вынужден был частично нарушить избранный им принцип, посвятив первые две главы биографической части книги беглому рассмотрению влияния Руссо на Толстого в юности и зрелые годы (с. 11—37).

В обширной второй части, занимающей центральное место в книге (почти четверть объема), сопоставляются религиозные идеи Руссо и Толстого.

Привлекает внимание третья часть, посвященная моральным и социальным идеям. Наиболее содержательна в ней глава 2, освещающая отношение Руссо и Толстого к проблемам богатства и бедности. Однако именно здесь и проявляется основная беда автора — отсутствие классового анализа социального, материального бытия тех народных, в первую очередь крестьянских масс, отражением психологии которых и были, как это показал В. И. Ленин, аграрно-уравнительные требования как эпохи революции 1789 г. во Франции, так и революции 1905—1907 гг. в России.

Сопоставлению взглядов Руссо и Толстого на искусство и науку посвящена четвертая часть книги. Вопросу наиболее изученному — о близости педагогических позиций и влияния идей «естественного» воспитания Руссо на Толстого — посвящена последняя, пятая часть.

В заключение книги М. Маркович ставит вопрос, удалось ли ему доказать наличие существенных черт сходства и даже аналогии у Толстого и Руссо вопреки контраргументам, выдвинутым в статьях А. Дивильковского²⁹ и М. М. Ковалевского³⁰.

Работа Дивильковского, безусловно, заслуживает внимания будущего исследователя. Признавая Толстого учеником Руссо, он вместе с тем не только тщательно прослеживает за тем, что он называет «отклонениями» первого от второго, но — и это главное — стремится объяснить в плане социальном несогласия между ними. Лишь это, считает он, может привести к оценке Руссо и Толстого «под углом зрения истории»³¹.

Слабой стороной этой работы была трактовка Руссо как учителя Толстого. Только произведения Руссо, а не уроки русской жизни и русской литературы автор рассматривает как главный источник творчества авто-

²⁷ *Markovitch M. Jean-Jacques Rousseau et Tolstoï: Bibliothèque de la Revue de la littérature comparée / Dirigée par M. M. Baldensperger, P. Hazard, P., 1928, t. 54, p. 419.* Маркович — ученик Эмиля Омана, профессора русского языка и литературы в Сорбонне, автора книги «Французская культура в России», изданной в 1910 г.

²⁸ *Ibid.*, p. 1—3.

²⁹ *Дивильковский А. Толстой и Руссо.* — Вестн. Европы, 1912, июнь, с. 59—79; июль, с. 125—153.

³⁰ *Ковалевский М. М. Можно ли считать Толстого продолжателем Руссо?* — Там же, 1913, июнь, с. 343—352.

³¹ *Дивильковский А. Указ. соч.*, с. 138.

ра «Детства», «Казаков» и «Войны и мира». «Нет сомнений,— писал Дивильковский,— что настроения и идеи Толстого впервые почерпнуты им непосредственно и главным образом из живого родника идей и настроений Руссо».

Взгляды, «унаследованные» от великого противника «прогресса» — Руссо, автор видит в толстовской картине «цивилизации»³².

Дивильковский вполне обоснованно признает существование значительной разницы между учителем и учеником. «Принадлежит к разным народам, временам и социальным слоям, они различно формулировали свой „культ сердца“, свою „религию природы“», — пишет автор, справедливо усматривая наибольшие расхождения между ними в области политики³³.

Стоило бы извлечь из забвения, например, следующую характеристику различий в общественном положении этих двух писателей: «Силою протестующего времени оба получили энергичное социальное внушение к протесту, но для одного из них, Руссо, внушение это было совершенно естественно, как для сына народа, к которому он принадлежал весь, целиком, с головы до ног, притом именно к его трудовым, обездоленным слоям, соками которых паразитарно питался весь „ancien régime“».

И далее следует вторая часть характеристики, где содержится упрощенная формулировка относительно социальной природы Толстого, который «был с ног до головы барин, так как принадлежал к тем, в чьих руках был скипетр эпохи»³⁴.

В известной мере против позиции Бенруби и Дивильковского, признававших правомерность сопоставления Толстого и Руссо, выступил М. М. Ковалевский со статьей «Можно ли считать Толстого продолжателем Руссо?». Автор дал отрицательный ответ на этот вопрос, не вникая в суть сложной проблемы и абсолютизируя различия между ними³⁵.

В 1912 г., когда широко отмечалось 200-летие со дня рождения Руссо, появилось значительное число небольших статей в провинциальных журналах и газетах, в которых затрагивался и интересующий нас вопрос³⁶.

Несколько нарушая хронологическую последовательность, обратимся к четырем статьям о Толстом Г. В. Плеханова, опубликованным в декабре 1910 и январе 1911 г. Несмотря на всю свою огромную эрудицию, выдающийся талант историка общественной мысли, историка литературы, критика и публициста, Г. В. Плеханов допустил в оценке Толстого ряд противоречий и существенных методологических ошибок.

Плеханов считал Толстого «гениальным художником и крайне слабым мыслителем»³⁷. Бесспорен его вывод о том, что в своих философско-религиозных идеях Толстой был не только идеалистом, но и «чистокровным метафизиком», в то время как его художественное творчество было «совершенно чуждо указанного недостатка»³⁸.

Но, говоря о Толстом и Руссо, Г. В. Плеханов отбросил эту, им же самим сделанную, оговорку, и Толстой — в противоположность Руссо — предстал метафизиком во всем.

«Теперь начинают сравнивать Толстого и Руссо, но такое сравнение может привести лишь к отрицательным выводам», — писал Г. В. Плеханов в постскрипуме к статье «Карл Маркс и Лев Толстой»³⁹. «Руссо был диалектиком (одним из весьма немногих диалектиков XVIII века); Толстой до конца жизни остался метафизиком чистейшей воды (одним из са-

³² Там же, с. 60.

³³ Там же, с. 67.

³⁴ Там же, с. 128.

³⁵ Ковалевский М. М. Указ. соч., с. 343—352.

³⁶ Свыше 20 таких статей зарегистрировано, например, под рубрикой «Толстой и Руссо». См.: Толстовский ежегодник, 1913. М., 1914, с. 88—90.

³⁷ Плеханов Г. В. Соч. М.; Л., 1927, т. 24, с. 185.

³⁸ Там же, с. 216.

³⁹ Там же, с. 233.

мых типичных метафизиков XIX столетия)»⁴⁰. Таким образом, Плеханов как бы перечеркивает то проникновение Толстого в диалектику души, которое выделяет его как писателя во всей мировой литературе. Далее Плеханов допускает еще одну неточность. «Уподоблять Толстого Руссо может только тот, кто не читал или совсем не понял знаменитого „Discours sur l'inégalité parmi les hommes“»⁴¹.

Внимательно и не раз читая это и другие «Рассуждения» Руссо, мы уподобляем двух этих замечательных людей друг другу, однако поиски причин и форм соотносительности двух этих писателей и мыслителей считаем оправданными и перспективными.

Усматривая в том, что «Толстой был и до конца жизни остается большим баррином»⁴², единственный фактор, определявший положение Толстого в сложной обстановке все сильнее сотрясавшей Россию внутренней, классовой борьбы, Плеханов видел место и роль Толстого в пореформенной России в глубокой ошибочной, искаженной перспективе. Он не улавливал правомерность той констелляции, в которой и Руссо, и Толстой — каждый по-своему — были объективно на одной стороне баррикад, там, где сражался народ.

Такова та историографическая и, пожалуй, шире — методологическая перспектива, которая не только в отношении нашей частной темы, но и в отношении всей столь общественно важной проблемы — адекватной оценки места и роли Толстого и толстовства — делала насущно необходимым тот ее последовательный марксистский анализ, на который оказался неспособен Г. В. Плеханов.

Именно эту сложную задачу и разрешил В. И. Ленин в своих знаменитых статьях о Толстом, необычайно важных и в теоретико-методологическом, и в познавательном, и практически-политическом, и воспитательном значении. «Противоречия во взглядах Толстого, — писал В. И. Ленин в одной из этих статей, — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху»⁴³.

Научная основа для плодотворной разработки проблемы «Толстой и Руссо» была создана только с появлением статей В. И. Ленина. Марксистская теория отражения раскрыла ту глубокую социальную основу, которая делает правомерным известное сопоставление этих фигур.

В. И. Ленин писал: «Одна из главных отличительных черт нашей революции состоит в том, что это была *крестьянская* буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России»⁴⁴. Но известно, что и во французской буржуазной революции XVIII в., в идеологической подготовке которой с демократических позиций важнейшую роль сыграл Руссо, Ленин также видел первостепенную роль крестьянства. В этом он усматривал отличительную черту революций старых времен на Западе.

По социальным взглядам, в частности по отношению к аграрному вопросу, Толстого вслед за Руссо принято относить к сторонникам уравнительного распределения земли — к эгалитаристам, как мы называем это направление для условий XVIII в.⁴⁵

Однако это определение требует известных уточнений, учитывающих особенности этой позиции, сближающей Толстого именно с Руссо. Дли-

⁴⁰ Там же. Г. В. Плеханов попутно отмечает, что в «русской литературе диалектический характер взглядов Руссо выяснен уже лет двенадцать тому назад В. И. Засулиц».

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 22.

⁴⁴ Там же, с. 20; см. также: Поршнев Б. Ф. В. И. Ленин о ранних буржуазных революциях. — Новая и новейшая история, 1960, № 2, с. 64.

⁴⁵ Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958, с. 206.

тельное изучение демократической социальной мысли во Франции XVIII в. привело автора этих строк к выводу о том, что в составе эгалитаристского направления в области аграрных требований следует выделить два течения⁴⁶. Первое ограничивалось только требованием уравнительного распределения всей пригодной для обработки, т. е. пахотной, земли с последующим установлением размеров неотчуждаемого душевого надела и не содержало никаких требований, изменяющих статус самой собственности. Как правило, его сторонники не предусматривали запрещения внутренней торговли как одного из возможных новых источников материального неравенства. Собственность в глазах идеологов этого направления сохраняла неприкосновенный буржуазный характер. Мы предложили назвать это направление дистрибутивным, т. е. чисто распределительным, поскольку его программа ограничивается одним только требованием, именуемым в истории России требованием *черного передела*.

Принципиальное отличие второго течения от первого состоит в том, что его идеологи во главе с Руссо не довольствовались требованием только лишь уравнительного передела, а, подвергая критике неприкосновенность буржуазной частной собственности, настаивали на демократизации самого ее статуса, распространяя, как это планировал Руссо в своем «Общественном договоре»⁴⁷, права народа, т. е. народного суверенитета, с члена будущей ассоциации на все его «силы», т. е. на его достоинство, что подразумевало право государства общей воли на регулирование размеров собственности, приобретающей таким образом чисто трудовой характер. Кроме того, как это видно из разработанного Руссо во всех деталях проекта конституции для жителей Корсики⁴⁸, предполагался полный запрет внутренней торговли. Из других сочинений Руссо видно, что он имел в виду также поддержание равенства между гражданами путем так называемых законов против роскоши, т. е. введения налогов на такого рода предметы. Известно, что идея трудовой собственности была органически близка Толстому. Он сам обрабатывал землю, демонстрируя тем самым отрицание чьего бы то ни было права жить чужим трудом.

Более того, как и Руссо, хотя из субъективно иных мотивов религиозно-философского характера, Толстой в принципе осуждал сам институт частной собственности. Вспомним знаменитое начало второй части «Рассуждений о неравенстве», в котором эта собственность клеймится как источник всех зол, постигших большинство людей при переходе в общественное состояние. Разными путями, но оба мыслителя пришли к выводу о невозможности практического отказа от индивидуальной собственности — Руссо, обнаруживая материалистическое понимание закономерности возникновения в свое время института такой собственности, Толстой, чисто идеалистически отрицая всякое насилие, всякую политическую организацию, могущую обязать граждан к тем или иным действиям.

У Толстого мы неоднократно встречаем в зрелые годы и особенно в старости категорическое осуждение частной собственности, конечно в первую очередь помещичьей. В. И. Ленин в тесной связи со своей общей концепцией генезиса социальных воззрений Толстого — как отражения требований широчайших масс крестьянства — дает объяснение и этой стороне взглядов Толстого. «Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и поме-

⁴⁶ Эту точку зрения автор изложил впервые в докладе на международной конференции по истории эпохи Просвещения в Берлине в 1968 г. и в докладе на секторе истории общественной мысли Института всеобщей истории АН СССР в ноябре 1974 г. Выступая затем на коллоквиуме советских и французских историков в Москве в июне 1978 г. на заседании памяти Вольтера и Руссо с докладом «Ж.-Ж. Руссо и борьба направлений во французском Просвещении», автор был рад услышать от известного исследователя французского Просвещения академика АН Армянской ССР А. Р. Иоаннисяна, что он совершенно независимо пришел к близким выводам, именуя второе направление радикальным.

⁴⁷ См.: Руссо Ж.-Ж. Указ. соч., с. 160—164.

⁴⁸ Там же, с. 278—283.

щичье и казенно- „падельное“, стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны...»⁴⁹.

А вот собственное объяснение Толстого. «Собственность — это фикция, которая существует только для тех, кто верит Мамону и потому служит ему. Верующий в учение Христа освобождается от собственности не каким-нибудь поступком, не передачей собственности сразу или понемногу в другие руки... а христианин освобождается от нее внутренне, сознанием того, что ее нет и не может быть, главным образом тем, что она ему не нужна ни для себя, ни для других»⁵⁰.

Это отрицание собственности в системе социальных идей Толстого вследствие отказа его от сопротивления злу насилем принимало отвлеченно-правственный характер, что в корне противоречило сугубо земным, реальным антифеодальным требованиям крестьянства.

Прекрасно понимая это, Ленин тем не менее высоко ценил этот элемент острейшей бесстрашной критики, которой Толстой подвергал современный ему социальный и политический строй. Вот малоизвестный эпизод к истории лепинской оценки этой стороны Толстого. Весной 1918 г. на прогулке в Кремле Ленин встретил Бонч-Бруевича и спросил его, в каком именно соборе предавали анафеме Толстого. Узнав, что это начали делать в Успенском соборе, Ленин сказал, что «надо сюда Толстого, обличающего церковь, громящего царей, бичующего богатство, собственность, роскошь»⁵¹.

Есть еще одна черта, родящая социальный протест, социальную критику в произведениях Руссо и Толстого. Первый — в связи с условиями своей эпохи — более отрывочно, поверхностно, а второй — более концентрированно и активно нападали не только на пережитки феодального гнета, но и на специфические проявления эксплуатации капиталистической.

Эту беспощадную критику капиталистической эксплуатации, разоблачение жестокой власти денег в социальном протесте Толстого отмечал и В. И. Ленин⁵², восхищаясь его непрерывным, полным самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения обличением капитализма⁵³.

Конечно, у Руссо было гораздо меньше возможностей наблюдать за проявлениями нового, капиталистического гнета. Но все же в противоположность тем буржуазным просветителям, которые, подобно Гольбаху, идеализировали отношения между хозяевами и работниками, Руссо, не побоявшийся на страницах «Энциклопедии» осудить богатство и роскошь, возвысился затем до понимания того, что капиталисты-предприниматели составляют свой миллионы из пота и крови неимущих, которым они за это бросают кусок черствого хлеба⁵⁴.

Нельзя не отметить генетической близости формы, в которую была облечена социальная критика Руссо и Толстого. Заметим, что В. И. Ленин восхищал у Толстого его «замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши»⁵⁵.

Не приходит ли нам в связи с этим на память вызвавшая своего рода «революцию» в читательских кругах Парижа энергия «протеста», которая была заложена в первых двух «Рассуждениях» Руссо? Не был ли одинаково силен общественный резонанс от той смелой критики цивилизации — мачехи обездоленных, с которой выступил в XVIII в. Руссо, а в конце XIX — начале XX в. Лев Толстой? И не был ли именно Рус-

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 20—21.

⁵⁰ Цит. по кн.: Плеханов Г. В. Соч., т. 24, с. 201—202.

⁵¹ Бонч-Бруевич В. Ленин и Толстой. — Огонек, 1927, № 46, с. 4.

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 209—210.

⁵³ Там же, т. 20, с. 19—21.

⁵⁴ См. об этом подробнее: Алексеев-Попов В. С. О социальных и политических идеях Жан-Жака Руссо. — В кн.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты, с. 487—554; Он же. Социальная критика у Ж.-Ж. Руссо и великие утописты. — В кн.: История социалистических учений. М., 1964, с. 209—222.

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 209.

со одним из первых, разоблачивших ту ложь и фальшь, о которых говорит Ленин?

Мы убеждены, что именно эти глубинные демократические импульсы, порождавшие критические социальные тенденции, питали новаторский характер мышления Руссо и Толстого. У первого это проявилось в противопоставлении метафизическому рационализму Просвещения раннеромантического или предромантического мироощущения, в котором особенно большую роль занимало чувство. Метафизика догматической, социологической «теории» богословия уступала место диалектической концепции истории как внутренне закономерного процесса, материалистически понимаемого. У второго — критический социальный импульс вел к открытиям в области диалектики души, что уверенно выводило творения Толстого на ведущее место в литературе мирового психологического реализма.

Что касается рассматриваемого нами частного аспекта творчества Толстого, то ориентация в литературе советской эпохи существенно облегчается в связи с опубликованием тщательно составленного И. И. Сиволап библиографического обзора «Ж.-Ж. Руссо в советской литературе»⁵⁶. Но по интересующей нас теме здесь зарегистрированы всего четыре специальных статьи, два доклада и две главы в книгах⁵⁷. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что из этих работ две относятся к 1923 и 1924 гг., три вышли в свет в связи со столетним юбилеем со дня рождения Толстого в 1928 г. и только три небольшие по объему статьи появились в 1962 и 1964 гг.

Приведенные библиографические данные подтверждают мнение о недостаточной разработанности в советском литературоведении темы «Толстой и Руссо». Дальнейшие перспективы исследования автор видит в более дифференцированном, в том числе и текстологическом, изучении влияния Руссо на Толстого в различные периоды жизни писателя. Без этого мы не сможем подойти к решению насущно важной задачи, еще не ставившейся в литературе. Мы имеем в виду необходимость ответить на следующие вопросы: каков был образ Руссо, привлекавший особое внимание Толстого в различные периоды его жизни; какие именно произведения Руссо вызывали его интерес и почему. Мы подразумеваем изучение влияния Руссо на складывание писательской личности Толстого (1852—1879 гг.) и влияние Руссо-философа и борца за демократию на публицистику Толстого и его общественную деятельность (1881—1910 гг.).

Жан Жак РУССО 28.06.1712 – 2.07.1778

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jjrss>

Другие работы автора

Т.Дезами. Кодекс общности / Комментарии

В.С.Алексеева-Попова

http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

В.Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790-1791 гг.)

http://vive-liberta.narod.ru/journal/cercle-social_alx-popov.pdf

⁵⁶ Французский ежегодник, 1976. М., 1978, с. 247—256.

⁵⁷ *Маковицкий Д. П.* Л. Н. Толстой о биографии Руссо и Женевском обществе им. Руссо.— В кн.: Маковицкий Д. П. Яснополяские записки. М., 1923, вып. 2, с. 16, 34, 53, 57; *Вейкшан В. А.* Жан-Жак Руссо и Лев Толстой.— Сов. педагогика, 1962, № 6, с. 101—111; *Каримов Э. А.* «Руссоизм» Толстого: Взгляд Толстого на социальную сущность человека.— В кн.: Вопросы литературоведения и языкознания. Ташкент, 1962, кн. 4, с. 201—209; *Куприянова Е.* Просветительские истоки философии и творческого метода Л. Толстого.— Рус. лит., 1964, № 2, с. 40—54; *Пиксанов Н. К.* Толстой и Руссо.— В кн.: Пиксанов Н. К. Два века русской литературы. М., 1924, с. 218—219; *Львов-Рогачевский В. Л.* Руссо XIX века.— В кн.: Львов-Рогачевский В. Л. От усадьбы к избе: Лев Толстой, 1828—1928. М., 1928, с. 33—43; *Розанов М. Н.* Руссо и Толстой: Доклад.— В кн.: Отчет о деятельности АН СССР за 1927 г. Л., 1928, т. 1; *Якобсон Л.* Молодой Толстой как критик «руссоизма».— Искусство, 1928, кн. 3/4, с. 219—234.